

МРНТИ 19.41.07

Научная статья

<https://doi.org/10.32523/2616-7174-2026-154-1-52-74>

Мультиагентный подход к распознаванию манипуляции в медиа-контенте в высшем образовании

У.А. Оспанова*¹, М.Т. Шакенова²

¹РГП на ПХВ "Центр поддержки цифрового правительства", Астана, Казахстан

²Южно-Казахстанский университет им. М. Ауэзова, Шымкент, Казахстан

(E-mail: *¹e-mail2024@list.ru, ²Maigul1379@mail.ru)

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы распознавания манипулятивных стратегий в медиаконтенте студентами и их влияние на формирование критического мышления. Главная цель исследования – выявить способы манипуляции в медиаконтенте, которые влияют на студентов, а также разработать методы и подходы для их распознавания. Это может включать анализ различных типов медиа, воздействующих на восприятие и мнение студентов, и оценку их способности критически воспринимать информацию. Основные направления исследования: анализ медиаконтента, методы манипуляции, влияние манипуляции на восприятие, психологические аспекты восприятия, образовательные стратегии. Основные идеи: критическое мышление как ключ к защите от манипуляции; медиаграмотность (необходимость интеграции образовательных программ, направленных на обучение студентов анализу и проверке медийной информации); социальные сети как основная платформа манипуляции, и важность обучения пользователей навыкам фильтрации информации; роль образовательных учреждений в формировании критического отношения к информации и укреплении сопротивляемости студентов к манипулятивным техникам. Основное внимание уделено современным методам медиаобразования и тому, как образовательные учреждения могут способствовать развитию у студентов способности критически анализировать информацию. В статье приводятся результаты эмпирических исследований, проведенных в студенческой среде, которые выявляют уровень осведомленности учащихся о манипулятивных техниках, таких как пропаганда, скрытая реклама, манипуляция фактами и эмоциональное воздействие. Также предложены рекомендации по улучшению образовательных программ с целью формирования навыков распознавания манипуляций в медиaprостранстве.

Ключевые слова: распознавание манипулятивных стратегий, манипуляции в медиаконтенте, влияние манипуляции на восприятие, психологические аспекты восприятия, образовательные стратегии.

Поступила: 28.12.2024; Одобрена: 29.01.2025; Доступна онлайн: 31.03.2026

Введение

В современную цифровую эпоху манипулирование средствами массовой информации стало повсеместной проблемой, способной исказить общественное мнение, распространить дезинформацию и подорвать доверие к заслуживающим доверия источникам. Поскольку потребление цифрового контента продолжает расти, способность критически оценивать и распознавать манипуляцию в медиа становится одним из важнейших навыков медиаграмотности. Развитие цифровых технологий и средств массовой информации открыло доступ к огромным объемам данных, но одновременно поставило перед обществом важную задачу – распознавание манипуляций и дезинформации.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки эффективных методов и инструментов, которые помогут студентам распознавать манипулятивные элементы медиаконтента. Это не только способствует повышению уровня медиаграмотности, но и позволяет противостоять распространению ложной информации, что особенно важно в современном мире, где информационные атаки и манипуляции приобретают глобальный характер. Также особую актуальность приобретает вопрос изучения навыка распознавания медиаманипуляции в образовательной среде, так как студенты и преподаватели, являющиеся как потребителями, так и распространителями информации, также являются ключевыми агентами в процессе развития навыков медиаграмотности. В нашем исследовании мы опираемся на определение Поттера, определяющего медиаграмотность как «многообразие навыков, включая способность читать, оценивать, анализировать, представлять возможности, деконструировать сообщения, распознавать шаблоны, оспаривать значения, оценивать достоверность, расшифровывать намерения отправителя, приводить контраргументы, докапываться до истины, избегать влияния и создавать сообщения» (Potter, 2022, с. 41).

Также основой исследования стал *мультиагентный подход к распознаванию манипулятивного контента*, который сосредоточен на двух основных агентах (Emirbayer and Mische, 1998) в процессе развития навыков медиаграмотности в организациях высшего образования – студентов и преподавателей. Социальные действия двух этих групп агентов, связанные и ограниченные их агентским функционалом согласно теории Коулмана (Coleman, 1986), часто смешаны. Так, и студенты, и преподаватели в процессе распознавания манипулятивного контента выполняют функционал, характерный для представителей аудитории – восприятие, оценка и распространение информации, функционал лидеров мнений, и реже функционал, присущий представителям средств массовой информации – создание и распространение медиаконтента. В то время как фундаментальное различие между группами агентов связано с тем, что формирование навыка критической оценки информации в медиа остается зоной ответственности преподавателей.

В рамках изучения манипулятивности в медиа преподаватели и учащиеся выполняют важные агентские функции, позволяющие осознанно распознавать и оценивать информационные искажения. Преподаватели, обладая экспертными знаниями, направляют процесс анализа и развивают критическое мышление у студентов, предоставляя инструменты для выявления скрытых манипуляций и их последствий. Они выступают как агенты, которые формируют рамки, определяющие подход к критическому

оцениванию медиаконтента, обеспечивая обучаемых теоретическими и практическими инструментами для активного сопротивления манипулятивным стратегиям. Студенты, в свою очередь, также выполняют агентские функции, активно применяя полученные знания для анализа и оценки информации, что способствует развитию их способности к самостоятельному критическому мышлению. В процессе обучения они осознают собственную роль как участников информационного обмена и учатся адекватно реагировать на манипуляции, становясь независимыми агентами, которые могут не только оценивать достоверность информации, но и формировать альтернативные взгляды.

Несмотря на растущую обеспокоенность по поводу манипулирования СМИ, существует ограниченное количество исследований, в которых напрямую сравнивается способность студентов и преподавателей распознавать манипулятивный контент. Большинство существующих исследований посвящены медиаграмотности в целом, часто без проведения различий между различными группами в образовательных учреждениях. Кроме того, несмотря на наличие обширной литературы о важности обучения медиаграмотности, меньше внимания уделяется тому, какова связь между самооценкой навыков медиаграмотности и способностью распознавать манипулятивный контент.

Целью данной работы является изучение механизмов манипуляций в медиаконтенте, с которыми сталкиваются студенты, а также разработка методов и инструментов для их эффективного распознавания. Данное исследование направлено на устранение этих пробелов путем проведения опросного исследования способностей студентов и преподавателей распознавать манипуляции в текстовых новостях различных средств массовой информации. Исследование сосредоточено на трех ключевых задачах: (Potter, 2022b) оценить общую способность студентов и преподавателей распознавать манипуляцию в медиатексте, (Emirbayer and Mische, 1998b) изучить связь между ней и самооценкой общих навыков медиаграмотности и критического мышления и (Coleman, 1986b) сравнить внутригрупповые различия между результатами студентов и преподавателей, обучающихся на казахском и русском языках. В итоге данное исследование направлено на то, чтобы дать практическую информацию, которая может помочь понять реальные навыки распознавания манипулятивного контента и послужить основой для разработки целевых программ по медиаграмотности в образовательных учреждениях. Ожидается, что полученные результаты будут способствовать дальнейшему обсуждению вопросов обучения медиаграмотности и предложат практические рекомендации для педагогов и политиков.

Обзор литературы

В зависимости от социально-культурных и научно-технических изменений, появления новых технологий и видов деятельности человека меняются и требования к грамотности отдельных лиц и группы людей как части общества. Распространение информации в письменном виде при обстоятельствах резкого экономического и социального развития в индустриальном обществе привело к необходимости грамотности для приобретения и измерения человеческих компетенций. С развитием средств массовой информации и информационных технологий по мере увеличения текстовых и других каналов приема и передачи информации, широко начали использоваться термины как информационная,

медийная, цифровая, компьютерная, новостная, телевизионная грамотность и др. Адаптирующийся и развивающийся характер понятия грамотности свидетельствует о значимости индивидуального фактора в социальном и технологическом развитии общества. Расширение медийно-информационного пространства в современном информационном обществе поднимает вопрос избирательности и анализа, а также принятия решений в зависимости от потребляемой и обрабатываемой информации.

В систематическом разборе 150 эмпирических исследований Мартинс (Martens, 2010) отмечает, что многие ученые в сфере коммуникаций позиционируют медиаграмотность как решение таких проблем негативного влияния СМИ, как насилие, формирование гендерных и расовых стереотипов, предубежденность.

Поттер также концептуализирует это как форму защиты в ответ на «широкий диапазон потенциально негативных эффектов» (Potter, 2022с, с. 681). В отличие от защитной позиции, медиаграмотность может представлять собой расширение возможностей и навыков, в рамках которых личность рассматривается как активный участник процесса реакции и формирования медиа.

Культура соучастия исходит от впитывания и активной реакции на взрыв новых медиатехнологий, которые дают возможность для среднего пользователя архивировать, аннотировать, относить (appropriate), распространять (recirculate) медиаконтент новыми способами. Андерсон рассматривает медиаграмотность с точки зрения навыков восприятия (receivership skills), которые относятся к ассимиляции (адаптации) и утилизации «коммуникационных сообщений для какого-либо целенаправленного действия» (Anderson, 1981, с. 22).

Букингем выделяет медиаграмотность в ее широком смысле (способность получать доступ к средствам массовой информации, анализировать, оценивать их и создавать в различных формах) в качестве важнейшего навыка в современном информационном пространстве (Buckingham, 2007).

Манипулирование средствами массовой информации, включающее в себя такие действия, как распространение фейковых новостей, использование глубоких подделок и выборочное представление фактов, создает серьезные проблемы для способности людей отличать правду от лжи. Различные стратегии и тактики, используемые для манипулирования СМИ, и становятся все более изощренными с развитием технологий. Эти формы манипулирования направлены на то, чтобы повлиять на общественное мнение, часто используя когнитивные искажения, такие как предвзятость подтверждения и эффект иллюзорной правды (Pennycook, Cannon, and Rand, 2018; Van Dijk, 2006).

Многие исследования рассматривают критическое мышление и способности анализировать информацию, избегать когнитивных искажений и распознавать манипуляции. Лингвистические и коммуникативные исследования анализируют, как с помощью языка можно влиять на восприятие реальности. Исследуются приёмы риторики, семантические и прагматические аспекты манипуляции (Vosoughi, Roy, and Aral, 2018).

Образовательные учреждения отреагировали на эти вызовы, включив медиаграмотность в учебные планы на различных уровнях. Эффективность этих программ сильно варьируется в зависимости от того, как они реализуются и какое конкретное содержание охватывают. Например, Михаилидис (Mihailidis, 2014) утверждает, что многие программы по медиаграмотности слишком узко ориентированы на традиционные медиаформы и не способны решить новые проблемы, связанные с цифровыми и социальными сетями.

Эти исследования изучают, как манипуляции могут быть использованы в политических и медийных текстах, как через риторику можно повлиять на мнение аудитории, и как критическое мышление может помочь защититься от этого влияния, а также распознавать фальшивые новости, пропаганду и другие формы манипуляции (Jones, and Mitchell, 2016; Buldybayev, Pilipenko, and Akoyeva, 2020; Barkhatova, 2025).

Появляется все больше исследований, в которых сравниваются навыки медиаграмотности различных демографических групп (Fedorov et al, 2022). Ряд исследований включают фокус на смежные области, исследования цифровой вовлеченности в гражданскую активность, в них отмечается, что учителя, как правило, имеют более высокий уровень медиаграмотности, чем учащиеся, вероятно, из-за их большего опыта и, в некоторых случаях, специальной подготовки в области медиаанализа (Boyarskaya and Barkhatova, 2023; 16. Zhou et al, 2025). Однако в этом исследовании также отмечалось, что молодые поколения, которые в большей степени ориентированы на цифровые технологии, могут обладать другим набором навыков, более подходящим для распознавания манипуляций в цифровом контексте. Несмотря на эти выводы, по-прежнему не хватает всесторонних исследований, в которых можно было бы напрямую сравнить способности учащихся и преподавателей распознавать манипуляции со стороны СМИ, особенно в контексте формального образования. В целом, можно сказать, что, хотя литература обеспечивает прочную основу для понимания манипулирования СМИ и важности медиаграмотности, многое еще предстоит изучить с точки зрения того, как эти навыки распределяются между различными образовательными группами.

Мультиагентный подход предполагает, что поскольку формирование навыков, необходимых для распознавания манипулятивности медиаконтента является в большей степени функционалом преподавателей, их уровень критического мышления и способность распознавать манипулятивный медиаконтент, в теории должны быть более продвинутыми по сравнению со студентами. Однако с учетом все возрастающей сложности выявления манипуляции в СМИ по-прежнему не хватает всесторонних исследований, в которых можно было бы напрямую сравнить способности студентов и преподавателей распознавать манипуляции со стороны СМИ, особенно в контексте формального образования. В целом, можно сказать, что, хотя литература обеспечивает прочную основу для понимания манипулирования СМИ и важности медиаграмотности, многое еще предстоит изучить с точки зрения того, как эти навыки распределяются между различными образовательными группами.

Данное исследование является попыткой устранить обнаруженные пробелы в казахстанском контексте исследований в области распознавания манипулирования. Во-первых, исследование напрямую сравнивает способности студентов и преподавателей распознавать манипуляции в медиаконтенте и связывает ее с самооценкой общих навыков медиаграмотности и критического мышления. Кроме того, оно рассматривает внутригрупповые различия между результатами студентов и преподавателей в разрезе языка обучения/преподавания (казахский / русский языки), что особенно актуально в казахстанском образовательном контексте.

Методология

Методология исследования включает гипотезы, выборку участников для получения статистически значимых данных, методы сбора данных, анкетирование, включающее

вопросы на знание основных видов манипуляций в медиаконтенте, а также оценку способности студентов различать манипулятивные и объективные тексты, контент-анализ для их критического анализа студентами, проведение обсуждений в малых группах, где студенты обсуждают свои наблюдения, выявленные в ходе анализа медиаконтента, что позволит глубже понять их восприятие манипуляций и трудности, с которыми они сталкиваются при анализе информации. Такая методология позволяет получить как количественные, так и качественные данные, что делает исследование более комплексным и детализированным.

Гипотезы:

1. *Основная гипотеза исследования (H1)*: Существует статистически значимое различие в способности распознавать манипулятивные медиатексты между студентами и преподавателями.

2. *Нулевая гипотеза (H0)*: Статистически значимых различий в способности распознавать манипулятивные медиатексты между студентами и преподавателями нет.

3. *Альтернативные гипотезы (H2-H4)*: Существует статистически значимая связь между способностью распознавать манипулятивные медиатексты и:

- а) языком преподавания/обучения;
- б) самооценкой уровня медиаграмотности респондентов;
- с) с самооценкой уровня критического мышления респондентов.

Выборка

В исследовании в общей сложности приняли участие 628 человек из разных регионов. Однако после оценки полноты ответов и соответствия респондентов критериям выборки в анализ были включены анкеты 583 респондента, из которых 281 чел. – студенты бакалавриата, 302 чел. – преподаватели вузов (Таблица 1).

Таблица 1. Категории участников в соответствии с критериями выборки

Категория респондентов	Общее кол-во	Кол-во респ-в учащихся/преподающих на казахском языке	Кол-во респ-в учащихся/преподающих на русском языке	Средний возраст	Уровень образования
Студенты	281	145	136	20,34	Общее среднее – 209 чел. Основное среднее+ТИПО – 72 чел.
Преподаватели	302				
Все	583				

Стратегия выборки респондентов – удобная выборка (convenience sampling) с элементами снежного кома. Рекрутинг респондентов проведен с акцентом на обеспечение разнообразия выборки с точки зрения академических дисциплин, географии (представленности южного, северного, центрального, западного и восточного регионов страны) и языка обучения (каз/рус).

Инструмент опроса – вариативная онлайн-анкета, разработанная для оценки способности участников распознавать различный манипулятивный медиаконтент. Анкета состоит из двух блоков:

1) биографический блок, включающий 5 вопросов: 1) категория респондента (студент/преподаватель), 2) возраст, 3) уровень образования, 4) самооценку уровня медиаграмотности по 5-балльной шкале Лайкерта, 5) самооценку уровня критического мышления по 5-балльной шкале Лайкерта;

2) основной блок, содержащий 4-6 вопросов, где два дополнительных задаются в случае выбора определенного варианта ответа, в нем респонденту предлагается прочесть 2 текста (один из которых является манипулятивным, а второй неманипулятивным), выбранных из пула текстов, предварительно отобранных и проклассифицированных журналистами или учеными-лингвистами с опытом в исследованиях по медиаманипуляции, и ответить на вопрос, является ли этот текст манипулятивным или нет, оценить уверенность в ответе по 5-балльной шкале Лайкерта, и, в случае, если респондент считает, что текст имеет признаки манипулятивности, выбрать из предложенного списка стратегий/тактик манипулирования с возможностью выбрать несколько вариантов ответа, включая предложение собственного. Этот инструмент был адаптирован на основе существующих проверенных инструментов, использовавшихся в предыдущих исследованиях по медиаграмотности, и модифицирован в соответствии с конкретным контекстом данного исследования.

Процедура опроса

Участникам было предложено заполнить анкету онлайн с возможностью анонимного участия. Перед проведением опроса участникам была сообщена информация об исследовании, его целях и задачах, кратко разъяснены принципы конфиденциальности и добровольного участия, а также было запрошено согласие (отметка) на обработку и использование данных для научных целей. Опрос администрировался онлайн в течение четырех недель. При проведении опроса авторы руководствовались этическими принципами проведения социологических исследований (International Sociological Association, 2001).

Результаты и обсуждение

Результаты опроса студентов и преподавателей были закодированы. Распознавание медиаманипулятивности рассматривалось в трех измерениях: а) успех в распознавании манипулятивных текстов (респондент правильно распознал манипулятивный текст); б) успех в распознавании неманипулятивных текстов (респондент правильно распознал неманипулятивный текст); в) общий успех (респондент правильно распознал манипулятивный и неманипулятивный тексты). Методы анализа включали сравнительный анализ и корреляционный анализ. В текущем отчетном периоде проведен анализ анкет студентов, результаты представлены ниже.

Результаты анализа анкет студентов

Проведен сравнительный анализ успехов в распознавании текстов между респондентами, обучающимися на казахском и русском языках, результаты представлены в Таблице 2.

Таблица 2. Язык обучения и распознавание медиаманипулятивности у студентов

Язык обучения	Успех в распознавании манипулятивных текстов	Успех в распознавании неманипулятивных текстов	Общий успех
Казахский	69,12%	44,12%	29,41%
Русский	66,21%	43,45%	30,34%

Из 136 студентов, обучающихся на казахском языке, 94 респондента (69,12%) правильно распознали манипулятивный текст, 60 респондентов (44,12%) правильно распознали неманипулятивный текст, и 40 респондентов (29,41%) правильно распознали оба вида текстов. Из 145 студентов, обучающихся на русском языке, 96 респондента (66,21%) правильно распознали манипулятивный текст, 63 респондентов (43,45%) правильно распознали неманипулятивный текст, и 44 респондентов (30,34%) правильно распознали оба вида текстов.

В целом, язык обучения не сильно влияет на способность распознавать медиаманипуляцию или ее отсутствие. Если рассматривать результаты более детально, можно прийти к заключению, что, несмотря на то что студенты, обучающиеся на казахском языке, незначительно более успешны в сравнении с обучающимися на русском языке в распознавании манипулятивных и неманипулятивных текстов в отдельности, общий успех (когда студенты продемонстрировали навыки распознавания двух видов текстов) у студентов, обучающихся на русском языке незначительно выше.

Проведен сравнительный анализ успехов в распознавании текстов между респондентами с разными уровнями образования, результаты представлены в Таблице 3.

Таблица 3. Уровень образования и распознавание медиаманипулятивности у студентов

Уровень образования	Успех в распознавании манипулятивных текстов	Успех в распознавании неманипулятивных текстов	Общий успех
Общее среднее (11-12 классов)	69.38%	43.45%	32.06%
Основное среднее (9 классов) + техническое профессиональное образование (колледж)	62.50%	45.93%	23.61%

Студенты, получившие общее среднее образование, лучше распознают манипулятивные тексты и демонстрируют лучшие результаты в общей оценке навыков отличия манипулятивности от неманипулятивности в сравнении со студентами, получившими основное среднее и техническое профессиональное образование. Проведен сравнительный анализ взаимосвязи самооценок уровня медиаграмотности респондентов, (оценки в диапазоне от 1 до 5 по шкале Лайкерта) и распознавания манипулятивных и неманипулятивных текстов, результаты представлены в Таблице 4.

Таблица 4. Самооценка уровня медиаграмотности и распознавание медиаманипулятивности у студентов

	Средний уровень медиаграмотности (уровень 3)	Высокий уровень медиаграмотности (уровень 4)	Очень высокий уровень медиаграмотности (уровень 5)
Успех в распознавании манипулятивных текстов	23,84%	20,64%	23,13%
Успех в распознавании неманипулятивных текстов	12,81%	17,44%	13,52%
Общий успех	9,96%	11,03%	13,16%

Из 190 человек (67,41% от общего количества студентов), правильно распознавших манипулятивные тексты, 67 человек (23,84% от общего количества студентов или 35,26% от правильно распознавших манипулятивные тексты) оценили свой уровень медиаграмотности как средний (уровень 3), 58 человек (20,64% от общего количества студентов или 30,52% от правильно распознавших манипулятивные тексты) – как высокий (уровень 4), и 65 человек (23,13% от общего количества студентов или 34,21% от правильно распознавших манипулятивные тексты) – как очень высокий (уровень 5).

Из 123 человек (43,77% от общего количества студентов), правильно распознавших неманипулятивные тексты, 36 человек (12,81% от общего количества студентов или 29,27% от правильно распознавших неманипулятивные тексты) оценили свой уровень медиаграмотности как средний (уровень 3), 49 человек (17,44% от общего количества студентов или 39,84% от правильно распознавших неманипулятивные тексты) – как высокий (уровень 4), и 38 человек (13,52% от общего количества студентов или 30,89% от правильно распознавших неманипулятивные тексты) – как очень высокий (уровень 5).

Из 84 человек (29,89% от общего количества студентов), продемонстрировавших общий успех в распознавании и манипулятивных, и неманипулятивных текстов, 28 человек (9,96% от общего количества студентов или 33,33% от правильно распознавших оба вида текстов) оценили свой уровень медиаграмотности как средний (уровень 3), 31 человек (11,03% от общего количества студентов или 36,9% от правильно распознавших оба вида текстов) – как высокий (уровень 4), и 25 человек (8,9% от общего количества студентов или 13,16% от правильно распознавших оба вида текстов) – как очень высокий (уровень 5).

Примечательно, что если рассматривать способность распознавать манипулятивные и неманипулятивные тексты по отдельности, то взаимосвязь с самооценкой уровня и способностью распознавать наличие или отсутствие манипуляции в медиатексте не прослеживается, однако респонденты с более высокой самооценкой уровня медиаграмотности демонстрируют лучшие результаты в распознавании как манипулятивных, так и неманипулятивных текстов в совокупности. Проведен сравнительный анализ взаимосвязи самооценок уровня критического мышления респондентов (оценки в диапазоне от 1 до 5 по шкале Лайкерта) и распознавании манипулятивных и неманипулятивных текстов, результаты представлены в Таблице 5.

Таблица 5. Самооценка уровня критического мышления и распознавание медиаманипулятивности у студентов

	Средний уровень критического мышления (уровень 3)	Высокий уровень критического мышления (уровень 4)	Очень высокий уровень критического мышления (уровень 5)
Успех в распознавании манипулятивных текстов	22,78%	24,91%	19,93%
Успех в распознавании неманипулятивных текстов	12,1%	18,15%	13,52%
Общий успех	8,9%	12,46%	8,54%

Из 190 человек (67,41% от общего количества студентов) правильно распознали манипулятивные тексты, 64 человека (22,78% от общего количества студентов или 33,68% от правильно распознали манипулятивные тексты) оценили свой уровень критического мышления как средний (уровень 3), 70 человек (24,91% от общего количества студентов или 36,84% от правильно распознали манипулятивные тексты) – как высокий (уровень 4), и 56 человек (19,93% от общего количества студентов или 29,47% от правильно распознали манипулятивные тексты) – как очень высокий (уровень 5).

Из 123 человек (43,77% от общего количества студентов), правильно распознали неманипулятивные тексты, 34 человека (12,1% от общего количества студентов или 27,64% от правильно распознали неманипулятивные тексты) оценили свой уровень критического мышления как средний (уровень 3), 51 человек (18,15% от общего количества студентов или 41,46% от правильно распознали неманипулятивные тексты) – как высокий (уровень 4), и 38 человек (13,52% от общего количества студентов или 30,89% от правильно распознали неманипулятивные тексты) – как очень высокий (уровень 5).

Из 84 человек (29,89% от общего количества студентов) продемонстрировавших общий успех в распознавании и манипулятивных, и неманипулятивных текстов, 25 человек (8,9% от общего количества студентов или 29,76% от правильно распознали оба вида текстов) оценили свой уровень критического мышления как средний (уровень 3), 35 человек (12,46% от общего количества студентов или 41,66% от правильно распознали оба вида текстов) – как высокий (уровень 4), и 24 человека (8,54% от общего количества студентов или 28,57% от правильно распознали оба вида текстов) – как очень высокий (уровень 5).

В целом более высокий процент успешности распознавания манипулятивных и неманипулятивных текстов по отдельности и в совокупности, демонстрируют респонденты, оценившие собственный уровень критического мышления как высокий (уровень 4). Респонденты, оценившие собственный уровень критического мышления как средний и очень высокий демонстрируют более низкие результаты в распознавании медиаманипуляции.

Корреляционный анализ

Для анализа взаимосвязи между успехом в распознавании манипулятивных и неманипулятивных текстов с возрастом была рассчитана корреляция Пирсона (r). Для определения взаимосвязи между успехом в распознавании манипулятивности и уровнями медиаграмотности и критического мышления использовалась корреляция Спирмэна (r), поскольку этот вид корреляции больше подходит для порядковых и бинарных переменных. Результаты корреляционного анализа представлены в Таблице 6.

Таблица 6. Самооценка уровня медиаграмотности и критического мышления и распознавание медиаманипулятивности у студентов

	Студенты, обучающиеся на казахском языке	Студенты, обучающиеся на русском языке	Все студенты
Корреляция между успехом в распознавании манипулятивных текстов и возрастом	$r = 0,078$	$r = 0,009$	$r = 0,126$
Корреляция между успехом в распознавании манипулятивных текстов и самооценкой уровня медиаграмотности	$r = -0,013$	$r = 0,016$	$r = 0,006$
Корреляция между успехом в распознавании манипулятивных текстов и самооценкой уровня критического мышления	$r = -0,018$	$r = -0,095$	$r = -0,057$
Корреляция между успехом в распознавании неманипулятивных текстов и возрастом	$r = -0,075$	$r = 0,167$	$r = -0,031$
Корреляция между успехом в распознавании неманипулятивных текстов и самооценкой уровня медиаграмотности	$r = 0,071$	$r = -0,01$	$r = 0,034$
Корреляция между успехом в распознавании неманипулятивных текстов и самооценкой уровня критического мышления	$r = 0,131477$	$r = -0,036$	$r = 0,048$
Корреляция между общим успехом и возрастом	$r = -0,026$	$r = -0,023$	$r = -0,025$
Корреляция между общим успехом и самооценкой уровня медиаграмотности	$r = -0,002$	$r = -0,039$	$r = -0,017$
Корреляция между общим успехом и самооценкой уровня критического мышления	$r = 0,096$	$r = -0,097$	$r = -0,001$

Результаты корреляции показывают, насколько слабо самооценка различных навыков студентов (медиаграмотность, критическое мышление, уверенность) связана с успехом в распознавании манипулятивных и неманипулятивных текстов, а также с общим успехом. Коэффициенты корреляции практически по всем парам переменных близки к нулю, что указывает на то, что самооценка медиаграмотности, критического мышления и уверенности не оказывает существенного влияния на успех в распознавании манипулятивных и неманипулятивных текстов.

В контексте подгрупп внутри выборки студентов по возрасту, языку обучения и уровню образования, предшествующему обучению в вузе, результаты также демонстрируют слабую связь с фактической способностью распознавать манипулятивный медиаконтент. Мы наблюдаем несколько противоречивые результаты в отношении того, насколько возраст связан с успехом в распознавании манипулятивных и неманипулятивных текстов, продемонстрировав слабую положительную корреляцию в первом случае, и слабую отрицательную – в случае с выявлением неманипулятивных текстов и общим успехом в определении в распознавании манипуляций. В любом случае, результаты ясно указывают на то, что возраст не является значимым фактором в успешности распознавания текстов любой категории. Также результаты показали, что респонденты, обучающиеся на казахском языке немного успешнее в распознавании манипулятивных текстов, но разница незначительна. Также выявлена слабая взаимосвязь с уровнем образования, предшествующему обучению в вузе: студенты, завершившие общее среднее образование (11-12 классов) успешнее в распознавании манипулятивного медиа-контента, чем те, кто получил основное среднее и профессиональное образование, однако разница также оказалась незначительной.

В целом анализ анкет студентов показывает, что возраст, медиаграмотность и критическое мышление имеют крайне слабую связь с успешностью распознавания как манипулятивных, так и не манипулятивных текстов. Корреляции варьируются между разными языковыми группами, что может указывать на особенности восприятия информации в зависимости от языковой среды.

Результаты анализа анкет преподавателей

Проведен сравнительный анализ успехов в распознавании текстов между респондентами из числа преподавателей с разбивкой на подкатегории по языку преподавания, результаты представлены в Таблице 7.

Таблица 7. Язык обучения и распознавание медиаманипулятивности у преподавателей

Язык преподавания	Успех в распознавании манипулятивных текстов	Успех в распознавании неманипулятивных текстов	Общий успех
Казахский	62,79%	61,24%	37,98%
Русский	69,94%	66,47%	50,29%

Из 129 преподающих на казахском языке респондентов, 81 (62,79%) справились с распознаванием манипулятивных текстов, и 79 респондентов (61,24%) правильно распознали неманипулятивный текст. При этом 49 респондентов (37,98%) правильно распознали оба вида текстов. Из 173 преподающих на русском языке респондентов, 121

респондент (69,94%) правильно распознал манипулятивный текст, 115 респондентов (66,47%) правильно распознали неманипулятивный текст, и 87 респондентов (50,29%) правильно распознали оба вида текстов. Данные таблицы показывают, что преподаватели, обучающие на русском языке, в целом более успешны в распознавании манипулятивных и неманипулятивных текстов, чем их коллеги, преподающие на казахском языке, и если по отдельности разница в успехе распознавания двух категорий текстов незначительна, то в общей успешности она наиболее заметна. Тут разрыв между языковыми подгруппами составил около 12,3%. Результаты сравнительного анализа успехов в распознавании текстов между респондентами с разными уровнями образования, представлены в Таблице 8.

Таблица 8. Уровень образования и распознавание медиаманипулятивности у преподавателей

Уровень образования	Успех в распознавании манипулятивных текстов	Успех в распознавании неманипулятивных текстов	Общий успех
Бакалавр/спец.	64,29%	78,57%	53,57%
Магистр	67,2%	62,9%	43,55%
Доктор/кандидат	67,05%	62,5%	45,45%

В целом, различия в успехе распознавания манипулятивного контента между респондентами с уровнями образования незначительны, однако бакалавры/специалисты показали лучший общий результат (53,57%), по сравнению с магистрами (43,55%) и докторами/кандидатами (45,45%).

Проведен сравнительный анализ взаимосвязи самооценок уровня медиаграмотности респондентов, (оценки в диапазоне от 1 до 5 по шкале Лайкерта) и распознавания манипулятивных и неманипулятивных текстов, результаты представлены в Таблице 9.

Таблица 9. Самооценка уровня медиаграмотности и распознавание медиаманипулятивности у преподавателей

	Средний уровень медиаграмотности (уровень 3)	Высокий уровень медиаграмотности (уровень 4)	Очень высокий уровень медиаграмотности (уровень 5)
Успех в распознавании манипулятивных текстов	34,16%	33,66%	32,17%
Успех в распознавании неманипулятивных текстов	28,26%	34,02%	37,11%
Общий успех	29,41%	31,36%	38,97%
<i>*Примечательно, что ни в группе студентов, ни в группе преподавателей, ни один респондент не оценил свой уровень медиаграмотности ниже среднего (уровни 1 и 2).</i>			

Из 202 преподавателей (66,89% от общего количества респондентов) правильно распознавших манипулятивные тексты, 69 человек (34,16% от правильно распознавших манипулятивные тексты) оценили свой уровень медиаграмотности как средний (уровень 3), 68 человек (33,66% от правильно распознавших манипулятивные тексты) – как высокий (уровень 4), и 65 человек (32,17% от правильно распознавших манипулятивные тексты) – как очень высокий (уровень 5).

Из 194 респондентов (64,24% от общего количества преподавателей) правильно распознавших неманипулятивные тексты 56 человек (28,26% от правильно распознавших неманипулятивные тексты) оценили свой уровень медиаграмотности как средний (уровень 3), 66 человек (34,02% от правильно распознавших неманипулятивные тексты) – как высокий (уровень 4), и 72 человека (37,11% от правильно распознавших неманипулятивные тексты) – как очень высокий (уровень 5).

Из 136 человек (45,03% от общего количества преподавателей) продемонстрировавших общий успех в распознавании и манипулятивных, и неманипулятивных текстов, 40 человек (29,41% от правильно распознавших оба вида текстов) оценили свой уровень медиаграмотности как средний (уровень 3), 43 человека (31,61% от правильно распознавших оба вида текстов) – как высокий (уровень 4), и 53 человека (39,97% от правильно распознавших оба вида текстов) – как очень высокий (уровень 5).

Как показывают данные, преподаватели с разными уровнями медиаграмотности (средний, высокий, очень высокий) показали схожие результаты – 34,16%, 33,66%, и 32,17% соответственно. Однако с ростом самооценки уровня медиаграмотности увеличивается успех в распознавании неманипулятивных текстов: преподаватели, оценившие свой уровень как очень высокий, достигли 37,11% успеха, тогда как студенты со средним уровнем – только 28,26%. Аналогично обстоит ситуация с общим успехом, когда преподаватели правильно определили оба типа текстов: 29,41% для среднего уровня, 31,36% – для высокого, и 38,97% – для очень высокого уровня. Распределение самооценок уровня критического мышления преподавателей (оценки в диапазоне от 1 до 5 по шкале Лайкерта) и их фактической способности распознать манипулятивность медиа-контента отражено в Таблице 10.

Таблица 10. Самооценка уровня критического мышления и распознавание медиаманипулятивности у преподавателей

	Средний уровень критического мышления (уровень 3)	Высокий уровень критического мышления (уровень 4)	Очень высокий уровень критического мышления (уровень 5)
Успех в распознавании манипулятивных текстов	24,75%	35,15%	40,1%
Успех в распознавании неманипулятивных текстов	31,44%	29,9%	38,66%
Общий успех	22,79%	33,82%	43,38%

Из 202 преподавателей (66,89% от общего количества), правильно распознавших манипулятивные тексты, 50 человек (24,75% от правильно распознавших манипулятивные тексты) оценили свой уровень критического мышления как средний (уровень 3), 71 человек (36,84% от правильно распознавших манипулятивные тексты) – как высокий (уровень 4), и 81 человек (29,47% от правильно распознавших манипулятивные тексты) – как очень высокий (уровень 5).

Из 194 человек (64,247% от общего количества преподавателей), правильно распознавших неманипулятивные тексты, 61 человек (31,44% от правильно распознавших неманипулятивные тексты) оценили свой уровень критического мышления как средний (уровень 3), 58 человек (29,9% от правильно распознавших неманипулятивные тексты) – как высокий (уровень 4), и 75 человек (38,66% от правильно распознавших неманипулятивные тексты) – как очень высокий (уровень 5).

Из 136 человек (29,89% от общего количества респондентов-преподавателей), продемонстрировавших общий успех в распознавании и манипулятивных, и неманипулятивных текстов, 31 человек (22,79% от правильно распознавших оба вида текстов) оценили свой уровень критического мышления как средний (уровень 3), 46 человек (33,82% от правильно распознавших оба вида текстов) – как высокий (уровень 4), и 59 человек (43,38% от правильно распознавших оба вида текстов) – как очень высокий (уровень 5).

В целом более высокий процент успешности распознавания манипулятивных и неманипулятивных текстов по отдельности и в совокупности, демонстрируют респонденты, оценившие собственный уровень критического мышления как очень высокий (уровень 5).

Корреляционный анализ

Аналогично анализу, проведенному по результатам опроса студентов, для анализа взаимосвязи между успехом в распознавании манипулятивных и неманипулятивных текстов с возрастом была рассчитана корреляция Пирсона (r). Для определения взаимосвязи между успехом в распознавании манипулятивности и уровнями медиаграмотности и критического мышления использовалась корреляция Спирмэна (r), поскольку этот вид корреляции больше подходит для порядковых и бинарных переменных. Так же, как и при анализе анкет студентов, результаты корреляционного анализа анкет преподавателей в разбивке по языку преподавания представлены в Таблице 11.

Таблица 11. Самооценка уровня медиаграмотности и критического мышления и распознавание медиаманипулятивности у преподавателей

	Преподаватели, преподающие на казахском языке	Преподаватели, преподающие на русском языке	Все преподаватели
Корреляция между успехом в распознавании манипулятивных текстов и возрастом	$r = -0,019$	$r = 0,074$	$r = 0,008$
Корреляция между успехом в распознавании манипулятивных текстов и самооценкой уровня медиаграмотности	$r = 0,104$	$r = 0,006$	$r = 0,21$

Корреляция между успехом в распознавании манипулятивных текстов и самооценкой уровня критического мышления	$r = 0,175$	$r = 0,125$	$r = 0,004$
Корреляция между успехом в распознавании неманипулятивных текстов и возрастом	$r = -0,069$	$r = 0,072$	$r = 0,032$
Корреляция между успехом в распознавании неманипулятивных текстов и самооценкой уровня медиаграмотности	$r = -0,098$	$r = 0,169$	$r = 0,052$
Корреляция между успехом в распознавании неманипулятивных текстов и самооценкой уровня критического мышления	$r = 0,024$	$r = -0,01$	$r = 0,145$
Корреляция между общим успехом и возрастом	$r = -0,098$	$r = 0,091$	$r = 0,008$
Корреляция между общим успехом и самооценкой уровня медиаграмотности	$r = 0,24$	$r = 0,099$	$r = 0,162$
Корреляция между общим успехом и самооценкой уровня критического мышления	$r = 0,169$	$r = 0,142$	$r = 0,15$

Корреляция между возрастом преподавателей-респондентов и успехом в распознавании манипулятивного контента колеблется в диапазоне от нулевой до слабой. При этом в подгруппе респондентов, преподающих на казахском языке, анализ показал наличие слабой отрицательной корреляции, а в подгруппе преподающих на русском – слабую положительную. Нулевая корреляция между возрастом всех преподавателей и общим успехом в распознавании манипулятивных медиатекстов указывает на отсутствие связи между ними.

Анализ показал наличие умеренной корреляции между самооценкой уровня медиаграмотности и успехом в распознавании манипулятивного контента. При этом самооценка уровня медиаграмотности связана с успехом в распознавании манипулятивных текстов сильнее, чем с успехом в распознавании неманипулятивных текстов и для преподавателей, преподающих на казахском языке, эта связь сильнее ($\rho=0,24$).

Самооценка уровня критического мышления имеет слабую положительную корреляцию с общим успехом в распознавании манипуляции в медиатекстах: $r=0,15$ – все преподаватели, $r=0,16$ – преподающие на казахском языке, $r=0,14$ – преподающие на русском языке.

Для преподавателей, преподающих на русском языке, влияние возраста и самооценки медиаграмотности или критического мышления на успех более однородное, без явных выбивающихся корреляций.

Наибольшая значимость среди всех факторов отмечается в корреляции между самооценкой уровня медиаграмотности и общим успехом для казахоязычных преподавателей ($\rho=0,24$).

Заключение

Ограничением данного исследования является использование самооценочных данных для оценки уровня медиаграмотности и критического мышления, а также примененная стратегия выборки, не обеспечивающая высокий уровень репрезентативности, которая может ограничивать обобщаемость результатов по всей системе высшего образования Казахстана. Тем не менее результаты исследования позволяют глубже интерпретировать агентские функции студентов и преподавателей с перспективы мультиагентного подхода к формированию навыков распознавания манипулятивности и медиаграмотности в высшем образовании.

Анализ общей способности студентов и преподавателей распознавать манипуляции в медиатексте выявил значительные различия, подтверждающие основную гипотезу исследования и различие в уровне компетенций для реализации агентских функций. Преподаватели, демонстрируя в среднем более высокую успешность (общий успех 45,03% против 29,89% у студентов), подтверждают ключевую роль как агентов, способных формировать и передавать критические навыки медиаграмотности. Это свидетельствует о том, что их агентские функции не ограничиваются исключительно аналитикой и интерпретацией информации, но включают создание когнитивных структур, которые позволяют эффективно противостоять манипуляциям.

В языковом контексте более высокий уровень успешности демонстрируют русскоязычные подгруппы респондентов, однако статистической взаимосвязи между языком преподавания/обучения и способностью распознавать манипуляции в медиатекстах не выявлено. Преподаватели, работающие на русском языке, продемонстрировали более высокий общий успех (50,29%) по сравнению с их коллегами, преподающими на казахском языке (37,98%). Среди студентов различия менее выражены, однако обучающиеся на казахском языке также незначительно уступают своим русскоязычным сверстникам в распознавании текстов. Эти различия можно объяснить вариациями в доступе к образовательным ресурсам, методиками преподавания и культурным контекстом восприятия информации.

С точки зрения агентских функций, преподаватели, обучающие на русском языке, имеют больше возможностей для реализации своей роли в формировании медиаграмотности благодаря более широкому доступу к профессиональной литературе и обучающим материалам. Это укрепляет их роль как экспертов и источников знаний, способных формировать навыки медиаграмотности у студентов. Результаты подчеркивают необходимость создания адаптированных образовательных ресурсов и программ на казахском языке, чтобы минимизировать разрыв и обеспечить равные возможности для всех агентов образовательного процесса. Различия в результатах также отражают неоднородность агентских функций студентов. Русскоязычные студенты могут обладать большими когнитивными возможностями для анализа медиа, частично благодаря их погружению в более насыщенное информационное пространство. Однако слабая связь между языком обучения и способностью распознавать манипуляции указывает на то,

что уровень медиаграмотности формируется скорее через методы преподавания и доступ к ресурсам, а не напрямую через язык.

Слабая корреляция между самооценкой уровня медиаграмотности и фактическим успехом в распознавании манипулятивных текстов указывает на возможное завышение оценки своих навыков респондентами. Отсутствие взаимосвязи между уровнем медиаграмотности и фактическим успехом в распознавании медиаманипуляции или ее отсутствия особенно ярко выражено среди студентов: противоречивость результатов от слабой или близкой к нулю отрицательной до слабой или близкой к нулю положительной корреляции можно интерпретировать как неспособность объективно оценивать собственные навыки медиаграмотности у студентов. В контексте агентских функций студентов, такие результаты могут стать обоснованием предположения о слабой эффективности инструментов самооценки в процессе приобретения навыков медиаграмотности и предпочтительности выбора инструментов стандартизированной оценки таких навыков для обеспечения объективности результатов образовательных программ. Ответы преподавателей демонстрируют умеренную корреляцию между самооценкой медиаграмотности и успехом. Это подчеркивает способность к более объективной самооценке навыков, но в целом слабая взаимосвязь указывает на необходимость повышения их медиаграмотности для эффективной реализации агентской функции по формированию компетенций у студентов. Также с перспективы агентских функций как преподавателей (создание программ и реализация мероприятий по развитию навыков медиаграмотности), так и студентов (получение знаний и навыков медиаграмотности), эти результаты указывают на то, что методы взаимного обучения по принципу «равный-равному» (peerlearning) могут быть менее эффективны по сравнению с другими методами развития навыков медиаграмотности в студенческой среде, и более эффективны в преподавательской среде.

С перспективы значения критического мышления как интегрального компонента агентских функций обеих групп респондентов, необходимо отметить, что наиболее высокие результаты в распознавании манипулятивного контента продемонстрировали преподаватели с очень высоким уровнем самооценки критического мышления (уровень 5) с общим успехом 43,38%. Это подтверждает ключевую роль критического мышления в выполнении агентских функций, направленных на выявление когнитивных искажений и манипулятивных стратегий. Однако наблюдаемая слабая связь между самооценкой критического мышления и фактическими результатами студентов ($\rho \approx 0$) может быть индикатором недостаточности развития данного навыка в рамках образовательных программ, и так же, как и в случае с самооценкой навыков медиаграмотности, указывает на риск неэффективности инструментов самооценки и методов взаимного обучения по принципу «равный-равному».

Вместе с тем, результаты исследования четко показывают: респонденты демонстрируют умеренные успехи в распознавании манипуляции – меньше половины преподавателей и меньше трети студентов справились с распознаванием как манипулятивных, так и неманипулятивных медиатекстов. Эти результаты указывают на существенные пробелы в их квалификации и качестве подготовки студентов в рамках действующих образовательных программ, особенно в контексте новых форм цифровых манипуляций. Что в свою очередь ставит под сомнение достаточность внимания к формированию медиаграмотности в системе высшего образования.

Такие результаты можно интерпретировать как сигнал того, что существующие образовательные подходы к медиаграмотности не соответствуют сложности современных медиаэкосистем. Это особенно важно в условиях, когда преподаватели, выступая ключевыми агентами в формировании медиаграмотности, сами не демонстрируют высокий уровень двух из ключевых компетенций XXI века – критического мышления и медиаграмотности, если абстрагироваться от не совсем объективных ответов самооценки. Это может ограничивать их способность исполнять ключевую агентскую функцию при развитии навыков медиаграмотности – эффективно передавать знания студентам и развивать их навыки.

Выявленные различия в языковых подгруппах, указывающие на влияние культурного и языкового контекста на способность распознавать манипуляции, подчеркивают необходимость создания достаточной ресурсной базы, способствующей организации образовательного процесса для развития навыков. С учетом того, что в казахстанской системе высшего образования медиаграмотность и критическое мышление в основном рассматриваются как мета-навыки, формируемые в ходе освоения других образовательных дисциплин, исследование показывает недостаточность этого подхода для выявления манипуляции.

Исследование подчеркивает необходимость интеграции медиаграмотности в образовательные программы как ключевого компонента устойчивого формирования навыков критической оценки медиаконтента. При выработке стратегий по эффективному формированию навыков медиаграмотности, критического мышления и распознавания манипуляции на институциональном уровне, необходимо учитывать значимость мультиагентного подхода, в рамках которого преподаватели и студенты, выполняя свои агентские функции, способны эффективно противостоять медийным манипуляциям и формировать устойчивую информационную культуру.

В дальнейшем важно изучить влияние специфических образовательных интервенций, таких как специализированные курсы по медиаграмотности, на развитие навыков распознавания манипуляций у студентов и преподавателей. Также перспективным направлением будущих исследований является изучение скрытых факторов, таких как влияние цифровой среды, культурных особенностей и технологий обучения, на формирование медиаграмотности. Проведение лонгитюдных исследований, направленных на отслеживание динамики развития этих навыков в рамках образовательных программ, может предоставить более глубокое понимание эффективности различных подходов.

Итак, в данном исследовании, сосредоточенном на трех ключевых задачах:

- 1) дана оценка общей способности студентов и преподавателей распознавать манипуляцию в медиатексте;
- 2) изучена связь между способностями и самооценкой общих навыков медиаграмотности и критического мышления;
- 3) проведен сравнительный анализ внутригрупповых различий между результатами студентов и преподавателей, обучающихся на казахском и русском языках.

В рамках данной статьи изучены:

- механизмы манипуляций в медиаконтенте, с которыми сталкиваются студенты;
- разработка методов и инструментов для их эффективного распознавания;

– опросные исследования способности студентов и преподавателей распознавать манипуляции в текстовых новостях различных средств массовой информации с целью устранения пробелов;

– практическая информация, которая может помочь реальным навыкам распознавания манипулятивного контента и послужить основой для разработки целевых программ по медиаграмотности в образовательных учреждениях.

Таким образом, критическое мышление и способность распознавать манипуляции в медиаконтенте являются важными навыками для успешной ориентации в современном информационном пространстве, и развитие этих навыков должно стать приоритетом в образовательной системе.

Благодарность

Данное исследование финансировалось Комитетом по науке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № AP19679821 «Разработка методики распознавания медиаманипулирования и продвижения медиаграмотности в условиях информационного пространства»).

Вклад авторов

Авторы статьи внесли вклад в концепцию и дизайн работы, сбор и анализ результатов, обеспечив достоверность данных и целостность всех частей статьи.

Список литературы

1. Potter, W. J. (2022) 'Analysis of definitions of media literacy', *Journal of Media Literacy Education*, 14(2), pp. 27–43. doi: 10.23860/JMLE-2022-14-2-3.
2. Emirbayer, M. and Mische, A. (1998) 'What Is Agency?', *American Journal of Sociology*, 103(4), pp. 962–1023. doi: 10.1086/231294.
3. Coleman, J. S. (1986) 'Social Theory, Social Research, and a Theory of Action', *American Journal of Sociology*, 91(6), pp. 1309–1335. Available at: [suspicious link removed].
4. Martens, H. (2010) 'Evaluating Media Literacy Education: Concepts, Theories and Future Directions', *Journal of Media Literacy Education*, 2(1), pp. 1–22. doi: 10.23860/jmle-2-1-1.
5. Anderson, J. A. (1981) 'Receivership Skills: An Educational Response', *Education in a Television Age*, (1), pp. 19–27. Available at: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED203395.pdf>.
6. Buckingham, D. (2007) 'Digital Media Literacies: rethinking media education in the age of the Internet', *Research in Comparative and International Education*, 2(1), pp. 43–55. doi: 10.2304/rcie.2007.2.1.43.
7. Pennycook, G., Cannon, T. D. and Rand, D. G. (2018) 'Prior exposure increases perceived accuracy of fake news', *Journal of Experimental Psychology: General*, 147(12), pp. 1865–1880. doi: 10.1037/xge0000465.
8. Van Dijk, T. A. (2006) 'Discourse and Manipulation', *Discourse & Society*, 17(2), pp. 359–383. doi: 10.1177/0957926506060250.
9. Vosoughi, S., Roy, D. and Aral, S. (2018) 'The Spread of True and False News Online', *Science*, 359(6380), pp. 1146–1151. doi: 10.1126/science.aap9559.
10. Mihailidis, P. (2014) 'A tethered generation: Exploring the role of mobile phones in the daily life of young people', *Mobile Media & Communication*, 2(1), pp. 58–72. doi: 10.1177/2050157913505558.
11. Jones, L. M. and Mitchell, K. J. (2016) 'Defining and measuring youth digital citizenship', *New Media & Society*, 18(9), pp. 2063–2079. doi: 10.1177/1461444815577797.

12. Buldybayev, T. K., Pilipenko, A. O. and Akoyeva, I. G. (2020) 'Methodology and multi-agent analytical tools for marking up news texts', Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University. JOURNALISM Series, (4), pp. 77–84. Available at: <https://buljourn.enu.kz/index.php/main/article/view/218>.
13. Barkhatova, E. (2025) 'Media manipulation detection: Challenges and perspectives', Journal of Computer-Assisted Linguistic Research, (9), pp. 19–42. doi: 10.4995/jclr.2025.24727.
14. Fedorov, A., Levitskaya, A., Tselykh, M. and Novikov, A. (2022) Media Manipulations and Media Literacy Education. Moscow: SM. Available at: <https://ifap.ru/library/book648.pdf>.
15. Boyarskaya, E. L. and Barkhatova, E. I. (2023) 'Slippery Slope: From Persuasion to Manipulation', International Research Journal (MNIZH), 12(138). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/slippery-slope-from-persuasion-to-manipulation> (Accessed: 25 March 2026).
16. Zhou, J., Zhang, D., Zhu, J., Wang, F. and Bi, C. (2025) 'Speaking like Humans, Spreading like Machines: A Study on Opinion Manipulation by Artificial-Intelligence-Generated Content Driving the Internet Water Army on Social Media', Information, 16(10), p. 850. doi: 10.3390/info16100850.
17. International Sociological Association (ISA) (2001) Code of Ethics. Available at: <https://www.isa-sociology.org/en/about-isa/code-of-ethics> (Accessed: 25 November 2024).

У.А. Оспанова*¹, М.Т. Шакенова²

¹"Цифрлік үкіметті қолдау орталығы" ШЖҚ РМК, Астана, Қазақстан

²М. Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан университеті, Шымкент, Қазақстан

Жоғары білім берудегі медиа мазмұнындағы манипуляцияны тануға арналған мультиагенттік тәсіл

Андатпа. Мақалада студенттердің медиа-контенттегі манипуляциялық стратегияларды тану мәселелері және олардың сыни ойлауды қалыптастыруға әсері қарастырылады. Зерттеудің негізгі мақсаты – студенттерге әсер ететін медиа мазмұнында манипуляция әдістерін анықтау және оларды тану әдістері мен тәсілдерін әзірлеу. Бұл студенттердің қабылдауы мен пікіріне әсер ететін медианың әртүрлі түрлерін талдауды және олардың ақпаратты сыни тұрғыдан қабылдау қабілетін бағалауды қамтуы мүмкін. Зерттеудің негізгі бағыттары: медиа мазмұнды талдау, манипуляция әдістері, манипуляцияның қабылдауға әсері, қабылдаудың психологиялық аспектілері, білім беру стратегиялары. Негізгі идеялар: сыни тұрғыдан ойлау манипуляциядан қорғаудың кілті ретінде; медиасауаттылық (студенттерге медиа ақпаратты талдау мен тексеруді үйретуге бағытталған білім беру бағдарламаларын біріктіру қажеттілігі); әлеуметтік медиа манипуляцияның негізгі платформасы ретінде және пайдаланушыларға ақпаратты сүзу дағдыларын үйретудің маңыздылығы; білім беру мекемелерінің ақпаратқа сыни көзқарасты қалыптастырудағы және студенттердің манипуляциялық әдістерге төзімділігін нығайтудағы рөлі. Медиа білім берудің заманауи әдістеріне және білім беру мекемелері студенттердің ақпаратты сыни тұрғыдан талдау қабілетін дамытуға қалай ықпал ете алатынына назар аударылады. Мақалада студенттердің үгіт-насихат, жасырын жарнама, фактілерді манипуляциялау және эмоционалды әсер ету сияқты манипуляциялық әдістер туралы хабардар болу деңгейін анықтайтын студенттік ортада жүргізілген эмпирикалық зерттеулердің нәтижелері келтірілген. Сондай-ақ медиакөңістікте манипуляцияларды тану дағдыларын қалыптастыру мақсатында білім беру бағдарламаларын жақсарту бойынша ұсыныстар ұсынылды.

Түйін сөздер: манипуляциялық стратегияларды тану; медиа мазмұнындағы манипуляциялар; манипуляцияны қабылдау әсері, қабылдаудың психологиялық аспектілері, білім беру стратегиялары.

U.A. Ospanova*¹, M.T. Shakenova²

¹RSE on REM "Digital Government Support Center", Astana, Kazakhstan

²M. Auezov South Kazakhstan University, Shymkent, Kazakhstan

A multi-agent approach to recognizing manipulation in media content in higher education

Abstract. The article discusses the problems of recognizing manipulative strategies in media content by students and their impact on the formation of critical thinking. The main purpose of the study is to identify ways of manipulation in media content that affect students, as well as to develop methods and approaches for their recognition. This may include analyzing various types of media that influence students' perceptions and opinions, and evaluating their ability to critically perceive information. The main research areas are media content analysis, manipulation methods, the impact of manipulation on perception, psychological aspects of perception, and educational strategies. Key ideas: critical thinking as the key to protection from manipulation; media literacy (the need to integrate educational programs aimed at teaching students how to analyze and verify media information); social networks as the main manipulation platform, and the importance of teaching users information filtering skills; the role of educational institutions in forming a critical attitude to information and strengthening students' resistance to manipulative techniques. The main focus is on modern methods of media education and how educational institutions can help students develop the ability to analyze information critically. The article presents the results of empirical research conducted among students, which reveal the level of students' awareness of manipulative techniques such as propaganda, hidden advertising, manipulation of facts, and emotional impact. Recommendations are also proposed for improving educational programs in order to develop skills in recognizing manipulations in the media space.

Keywords: recognition of manipulative strategies; manipulation in media content; influence of manipulation on perception, psychological aspects of perception, educational strategies.

References

1. Potter, W. J. (2022) 'Analysis of definitions of media literacy', *Journal of Media Literacy Education*, 14(2), pp. 27-43. doi: 10.23860/JMLE-2022-14-2-3.
2. Emirbayer, M. and Mische, A. (1998) 'What Is Agency?', *American Journal of Sociology*, 103(4), pp. 962-1023. doi: 10.1086/231294.
3. Coleman, J. S. (1986) 'Social Theory, Social Research, and a Theory of Action', *American Journal of Sociology*, 91(6), pp. 1309-1335. Available at: [suspicious link removed].
4. Martens, H. (2010) 'Evaluating Media Literacy Education: Concepts, Theories and Future Directions', *Journal of Media Literacy Education*, 2(1), pp. 1-22. doi: 10.23860/jmle-2-1-1.
5. Anderson, J. A. (1981) 'Receivership Skills: An Educational Response', *Education in a Television Age*, (1), pp. 19-27. Available at: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED203395.pdf>.
6. Buckingham, D. (2007) 'Digital Media Literacies: rethinking media education in the age of the Internet', *Research in Comparative and International Education*, 2(1), pp. 43-55. doi: 10.2304/rcie.2007.2.1.43.
7. Pennycook, G., Cannon, T. D. and Rand, D. G. (2018) 'Prior exposure increases perceived accuracy of fake news', *Journal of Experimental Psychology: General*, 147(12), pp. 1865-1880. doi: 10.1037/xge0000465.
8. Van Dijk, T. A. (2006) 'Discourse and Manipulation', *Discourse & Society*, 17(2), pp. 359-383. doi: 10.1177/0957926506060250.
9. Vosoughi, S., Roy, D. and Aral, S. (2018) 'The Spread of True and False News Online', *Science*, 359(6380), pp. 1146-1151. doi: 10.1126/science.aap9559.

10. Mihailidis, P. (2014) 'A tethered generation: Exploring the role of mobile phones in the daily life of young people', *Mobile Media & Communication*, 2(1), pp. 58–72. doi: 10.1177/2050157913505558.
11. Jones, L.M. and Mitchell, K.J. (2016) 'Defining and measuring youth digital citizenship', *New Media & Society*, 18(9), pp. 2063–2079. doi: 10.1177/1461444815577797.
12. Buldybayev, T. K., Pilipenko, A. O. and Akoyeva, I. G. (2020) 'Methodology and multi-agent analytical tools for marking up news texts', *Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University. JOURNALISM Series*, (4), pp. 77–84. Available at: <https://buljourn.enu.kz/index.php/main/article/view/218>.
13. Barkhatova, E. (2025) 'Media manipulation detection: Challenges and perspectives', *Journal of Computer-Assisted Linguistic Research*, (9), pp. 19–42. doi: 10.4995/jclr.2025.24727.
14. Fedorov, A., Levitskaya, A., Tselykh, M. and Novikov, A. (2022) *Media Manipulations and Media Literacy Education*. Moscow: SM. Available at: <https://ifap.ru/library/book648.pdf>.
15. Boyarskaya, E.L. and Barkhatova, E. I. (2023) 'Slippery Slope: From Persuasion to Manipulation', *International Research Journal (MNIZH)*, 12(138). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/slippery-slope-from-persuasion-to-manipulation> (Accessed: 25 March 2026).
16. Zhou, J., Zhang, D., Zhu, J., Wang, F. and Bi, C. (2025) 'Speaking like Humans, Spreading like Machines: A Study on Opinion Manipulation by Artificial-Intelligence-Generated Content Driving the Internet Water Army on Social Media', *Information*, 16(10), p. 850. doi: 10.3390/info16100850.
17. International Sociological Association (ISA) (2001) *Code of Ethics*. Available at: <https://www.isa-sociology.org/en/about-isa/code-of-ethics> (Accessed: 25 November 2024).

Сведения об авторах:

Оспанова У.А. – автор для корреспонденции, докторант Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, ул. Сатпаева, 2; старший директор Центра поддержки цифрового правительства, проспект Мәңгілік Ел 55/5, С 2.4, 010000, Астана, Казахстан

Шакенова М.Т. – к.ф.н., доцент кафедры русского языка и литературы Южно-Казахстанского университета имени М. Ауэзова, проспект Тауке хана 5, 160000, Шымкент, Казахстан

Авторлар туралы мәлімет:

Оспанова У.А. – хат-хабар авторы, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің докторанты, Сәтпаев көшесі, 2; Цифрлық үкіметті қолдау орталығының аға директоры, Мәңгілік Ел даңғылы 55/5, 2.4, 010000, Астана, Қазақстан

Шакенова М.Т. – филология ғылымдарының кандидаты, М.Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан университетінің орыс тілі мен әдебиеті кафедрасының доценті, Тәуке хан даңғылы 5, 160000, Шымкент, Қазақстан

Information about authors:

Osipanova U.A. – corresponding author, doctoral student, L.N. Gumilyov Eurasian National University, 2 Satpayev St.; Chief Director of the Center for Digital Government Support, 55/5 Mangilik El Avenue, C 2.4, 010000, Astana, Kazakhstan

Shakenova M.T. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Russian Language and Literature, M. Auezov South Kazakhstan University, Tauke Khan Avenue 5, 160000, Shymkent, Kazakhstan